

Оригинальная статья
УДК 316.334.52
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-57-71>

Региональная «социология без социологов» в Среднем Поволжье в советский период

Мансур Вилевич Кильдеев

*Республиканский центр молодежных, инновационных
и профилактических программ «Навигатор», Казань, Россия,
makhmud_e@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4353-8380>*

Введение. Рассматриваются обстоятельства возникновения региональной социологии во времена СССР. Для описания этого многовариантного и нелинейного процесса применено понятие «социология без социологии». Им обозначают научно-социологическую деятельность без участия профессионального социологического сообщества. Приводятся причины существования «социологии без социологов» в советском, а затем в российском общественном сознании.

Методология и источники. Автор опирается на категориальный аппарат, применяемый в современной европейской социологии для описания аномального состояния науки (Р. Альберг, Н. Верт, И. Маттес). Для описания вариантов эволюции региональной социологии использована концепция «публичной социологии» М. Буравого. Основным методом исследования является анализ документальных источников советского периода. В научный оборот введены новые, ранее не изученные архивные документы.

Результаты и обсуждение. Изучаемый предмет подробно рассмотрен на материале массовых обследований состояния религиозности населения, которые были инициированы и осуществлены партийными органами Татарской АССР и Куйбышевской области в 1964–1966 гг. Итоги этих дилетантских обследований послужили фундаментом для развития социологии в регионе. В статье показано, что на всем протяжении существования «легальной» региональной социологии параллельно ей существовали различные формы «социологии без социологов». Специфика советского периода заключалась в том, что такая социология соответствовала ожиданиям части партийных кругов, ответственных за идеологию.

Заключение. Применение понятия «социология без социологов» имеет большое значение для осуществления демаркации научных и ненаучных форм социологической деятельности.

Ключевые слова: региональная социология, «социология без социологов», социологические ассоциации

Для цитирования: Кильдеев М. В. Региональная «социология без социологов» в Среднем Поволжье в советский период // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 57–71. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-57-71.

© Кильдеев М. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Regional “sociology without sociologists” in the Middle Volga Region in the Soviet Period

Mansour V. Kildeyev

*Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs “Navigator”, Kazan, Russia,
makhmud_e@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4353-8380>*

Introduction. The article analyzes circumstances of the emergence of regional sociology in the Soviet era. To describe this phenomenon, the author applies the concept of “sociology without sociology”. This idiom means scientific and sociological activity without the participation of the professional sociological community and describes this multivariate and non-linear process. The author also describes the reasons of existence of “sociology without sociologists” in Soviet and then in Russian social sciences.

Methodology and sources. The category “sociology without sociologists”, used by R. Ahlberg, N. Werth, and J. Matthes describes the abnormal state of science. In addition, the author uses the concept of “public sociology” by M. Burawoy to determine the vectors of evolution of Soviet and Russian regional sociology. The main research method is the analysis of documentary sources of the Soviet era. Also new, previously unexplored archival documents have been introduced into scientific circulation.

Results and discussion. The studied issue is examined on the ground of mass surveys of the state of religiosity of the population, which were initiated and carried out by the party bodies of the Tatarstan ASSR and Kuybishev area in 1964–1966. The results of those amateurish surveys served as a foundation for the development of sociology in the region. The article shows that throughout the existence of the “legal” regional sociology, in parallel with it, there were various forms of “sociology without sociologists”. The specificity of the Soviet period was that the existence of “sociology without sociologists” met the expectations of some CPSU circles, responsible for ideology tasks.

Conclusion. The application of the category “sociology without sociologists” is of great importance for the implementation of the demarcation of scientific and non-scientific forms of social knowledge.

Keywords: regional sociology, “sociology without sociologists”, sociological associations

For citation: Kildeyev, M.V. (2022), “Regional “sociology without sociologists” in the Middle Volga Region in the Soviet Period”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 57–71. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-57-71 (Russia).

Введение. Выражение «социология без социологов» будет понятно всем, кто когда-либо изучал курс истории социологии. Известно, что не все выдающиеся ученые, внесшие вклад в становление науки, могут считаться социологами, по крайней мере в сегодняшнем понимании. Труды многих ученых прочно вошли в историю социологии, но либо отнесение их к рядам социологов по сей день вызывает споры (О. Конт), либо они сами не идентифицировали себя с социологией (К. Маркс). Это объясняется относительной молодостью социологии как науки, подвижностью ее дисциплинарных границ и методологической базы. Разумеется, формальное наличие у автора профильного образования не может считаться основным признаком принадлежности к научной дисциплине.

На заре возрождения советской социологии реальность ситуации «социология без социологов» рефлексировалась ученым сообществом на уровне социологической публици-

стики. На страницах социологической рубрики «Литературной газеты» констатировалось, что «в СССР нет ни одного профессионально подготовленного социолога», с видимым упреком в сторону союзного министерства высшего и среднего профессионального образования, которое отказывало социологии в праве быть вузовской дисциплиной [1]. Сегодня любят употреблять выражение «социология без социологов», когда хотят подчеркнуть недостаточный профессионализм социологов-практиков или когда их функции берут на себя более деятельные представители других дисциплин. В западноевропейской традиции, где профессиональное поле защищено от недобросовестной конкуренции профессиональными ассоциациями, о «социологии без социологов» говорят, имея в виду угрозу со стороны реформируемого высшего образования, которое предлагает академической социологии невооруженных социологическими знаниями дилетантов [2].

Исследуемое явление рассматривается как часть истории региональной («провинциальной») советской, а теперь российской социологии. Изучение данной темы особенно важно с точки зрения необходимости демаркации между научным социологическим знанием и смежными, нередко ненаучными формами общественности. Проблема демаркации социологического знания в отечественной социологии не решена ни теоретически, ни практически.

Методология и источники. Автор опирается на категориальный аппарат, применяемый в современной европейской социологии для описания аномального состояния науки. С точки зрения европейского общественности обозначение «социология без социологов» особенно органично выглядит для позднесоветской социологии. Западногерманский социолог Р. Альберг в 1989 г. писал, что социологией, на которую возлагаются огромные надежды по усовершенствованию переживающей кризис советской системы, начиная с 1960-х занимаются энтузиасты – непрофессионалы, не обучавшиеся специальности в университетах [3]. Французский историк Н. Верт называет «социологию без социологов», сложившуюся вследствие недостатка квалифицированных специалистов в сфере социальных наук, одной из четырех главных болезней советской социологии [4, с. 100–101].

Автором статьи ставится цель выявления фактов существования указанного явления в условиях Среднего Поволжья. Требуется также прояснить институциональные условия, способствующие возникновению данного явления. Предметом данной статьи стали не широко известные исследования, проведенные в регионах и вошедшие в историю отечественной науки [5–8 и пр.], а сравнительно малоизвестные проекты, выполненные в целях научно-атеистического воспитания в 1960–1970 гг.

История социологии в СССР изучена достаточно подробно для того, чтобы рассматривать ее как историю взаимодействия государственно-партийного аппарата и различных групп академического сообщества в крупнейших научных центрах страны (Москва, Ленинград, Новосибирск, Киев и др.). В таком виде построено изложение, например, в фундаментальном труде Б. М. Фирсова, где региональной социологии уделено не более, чем полстраницы [9, с. 97]). Применительно к Среднему Поволжью и Приуралью данная схема нефункциональна, прежде всего, по причине слабой институционализации дисциплины. Здесь базовыми социологическими структурами были лаборатории при научно-исследовательских секторах вузов. К работе лабораторий привлекалось большое число обществоведов, но, как правило, их участие ограничивалось общественными началами или работой по хоздоговорам.

Отсутствие полноценных социологических структур не способствовало сохранению и аккумуляции научного наследия первых социологических поколений. Историография региональной социологии крайне слабо отражена в открытых источниках, недостаточно исследована, представлена в основном мемуарной литературой. Исключение составляет Республика Башкортостан, где в 2002 г. вышла уникальная коллективная монография «Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан» [10], написанная в основном силами ветеранов социологического движения. Что касается последнего десятилетия, то следует отметить, что тема возрождения региональной социологии окончательно отошла в тень в связи со сменой поколений ученых.

Для описания эволюции региональной социологии применена концепция «публичной социологии» М. Буравого, в центре которой находится идея активного участия социолога в общественных изменениях [11]. Для Буравого, который в начале 1990-х изучал российский социум на практике, аномальной представляется типичная для советских, а затем российских реалий ситуация, когда социолог выступает клиентом государственного заказчика, а не наоборот. Буравой полагает, что движение к «публичной социологии» является насущной целью для социологов постсоветских государств.

Основным методом исследования является анализ документальных источников советского периода. В научный оборот введены новые, ранее не изученные партийные документы КПСС, относящиеся к 1960 гг., которые проливают свет на обстоятельства появления региональной социологии.

Результаты и обсуждение. На наш взгляд, диагноз Альберга и Верта верен лишь отчасти. Отсутствие социологии в номенклатуре вузовских специальностей не означало, что такого образования в СССР совсем не было. Специалисты получали социологическую подготовку в различных факультативных формах. Например, в Татарской АССР в позднесоветские, доперестроечные времена действовали двухгодичные курсы при «факультете общественных профессий» Казанского университета, двухгодичная «школа социологов» при Доме политпросвещения, «школы социолога» для заводских специалистов в Казани и Набережных Челнах [12]. Социологи профессионально формировались во многом путем самообразования, осваивая теорию и методику по издававшимся в те годы переводным работам и книгам советских авторов (которые даже при немалых тиражах быстро становились библиографической редкостью). Благодаря этому в нашей стране, начиная с 1960-х гг. появилось идентифицирующее себя с социологией профессиональное сообщество, несмотря на то что социология не была до конца признана как наука.

На наш взгляд, «социология без социологов» – это научно-исследовательская деятельность без участия представителей соответствующего научного сообщества. Под это определение подпадает часть исследований, развернутых в начале и в середине 1960-х гг. В тот исторический период возникла потребность в научных социологических исследованиях и квалифицированных кадрах, способных изучать массовые явления в советском обществе. Самые первые опросы начались, когда социология только вступила в фазу легализации, а социологические исследования в различных общественных сферах требовались уже сегодня.

Фактом, подтверждающим существование «социологии без социологов» в Среднем Поволжье, служат обследования религиозности населения в середине 1960-х гг. Отправной

точкой, давшей начало социологическому изучению религиозности населения, следует считать Постановление ЦК КПСС «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения» от 02.01.1964. Этим документом партийным комитетам и первичным парторганизациям совместно с профсоюзными и комсомольскими комитетами было предписано «разобраться с состоянием религиозности в каждом населенном пункте и коллективе». Поручение толковалось в смысле необходимости изучения религиозности. Партийные органы на уровне областных комитетов приступили к проведению опросов среди населения.

Первый, дебютный опыт исследований в Среднем Поволжье и их дальнейшие перспективы были обсуждены на Всероссийском семинаре по научно-атеистической пропаганде в Казани в 1965 г. В работе семинара участвовали идеологические работники: лекторы районных, областных комитетов партии и общества «Знание». Опыт полевой работы с участниками семинара поделился руководитель лекторской группы Татарского обкома КПСС А. Н. Калаганов. Его доклад дает нам некоторое представление о том, при каких обстоятельствах появилась региональная социология.

Исследования, как было сказано, были инициированы «сверху». Перед атеистической секцией идеологической комиссии Татарского обкома КПСС была поставлена амбициозная задача: «знать географию распространения верований и дать анализ ее распространения» [13, л. 82]. Самодетельным социологам предстояло решить многочисленные организационно-методические проблемы. Исследовательская деятельность затруднялась тем, что центров, которые осуществляли бы методическое консультирование и руководство массовыми опросами, не существовало. Докладчик сообщает, что на тот момент в стране вообще не было легальной социологии: «Сложность в том, что по Союзу нет единой рекомендации, по которой мы могли бы по одной оценке дать общую картину» [13, л. 87].

Группа выработала собственную, во многом дилетантскую методику. Была спроектирована сплошная, серийная (гнездовая) выборка. На первой ступени в каждом из районов республики было предложено отобрать по 3–4 типичных по национальному составу населенных пункта: с татарским, русским, инонациональным или смешанным населением. Типичная единица должна была обладать усредненной для данного района величиной по количеству дворов, типичным для района экономическим состоянием хозяйства. Отбираемые населенные пункты не должны быть сосредоточены в одной местности, требовался их разброс по всему району. Этими мерами достижение репрезентативности и ограничивалось. Статистическая проверка репрезентативности выборочной совокупности не проводилась. Само понятие репрезентативности в советском обществоведении на тот момент практически не применялось.

Первым обследованием было охвачено около 70 тыс. человек в 370 населенных пунктах республики¹. Взрослое население отобранных с точки зрения типичности для данной местности населенных пунктов подвергалось сплошному обследованию. В качестве метода сбора информации предпочтение было отдано анкетному интервью.

Помимо сомнительной статистической репрезентативности, второй слабой стороной являлась теоретическая неопределенность основного понятия. На шкале отношения к религии оказалось всего два деления: верующие и неверующие. К верующим рекомендовалось

¹ По другим данным – 79 тыс. чел. в 380 населенных пунктах [14, с. 121].

относить людей, чье сознание находится под влиянием религии в значительной мере [13, л. 87]. И наоборот, тех, у кого религия не занимает большого места в жизни, относили к неверующим. Понимание исследователями религиозности оказалось слишком расплывчатым и операционально сложным для «обследователей» (интервьюеров), которым предписывалось самостоятельно фиксировать мировоззренческие ориентации респондентов. В некоторых случаях обследователи смешивали конфессиональную идентичность с этнической. Выводы о религиозности анкетерами зачастую делались только по внешним признакам – по наличию в доме «предметов религиозного культа»: икон или шамаилей.

Первый опыт был самими исследователями признан неудачным: во-первых, у них отсутствовало теоретическое представление о том, что представляет собой религиозность (Калаганов делает вывод, что «к этому серьезному делу надо подготовить людей, которые могли бы дать правильную оценку, верующий человек или неверующий» [13, л. 83]); во-вторых, примененная методика оказалась одновременно и «наивной», и «неверной».

Через год, в 1965 г., с учетом допущенных ошибок и недостатков тем же коллективом было проведено новое выборочное обследование. Оно охватило 30 сельских районов республики и два городских района г. Казани. Всего было обследовано 127 населенных пунктов, 37 производственных коллективов и 87 многоквартирных домов¹. В итоге было выявлено 8500 верующих, что составило 16,5 % от всей совокупности. Религиозность среди русских оказалась на 2 % выше, чем среди татар [13, л. 88]. У 5500 опрошенных в доме имелись иконы или шамаили.

Достоинно внимания то, как в этот раз был проработан вопрос конфессиональной идентификации респондентов. К числу верующих посоветовали отнести три категории: «тех, чье сознание находится в значительной степени под влиянием религии»; «тех, у кого религия не занимает большого места в жизни, хотя и является частью мировоззрения»; «тех, кто по существу в бога не верует, но по традиции, по инерции соблюдает религиозные обряды». Элегантно, со ссылкой на партийные установки было обосновано несколько спорное отнесение к верующим последней категории, которую обычно причисляли к колеблющимся или к неверующим: «Партия ставит своей задачей не только борьбу с религией как антинаучной идеологией, но и порожденными ею предрассудками, обычаями и традициями» [14, с. 123].

Нами обнаружен отчет об одном из 30 районов, направленный в идеологический отдел Татарского обкома райкомом Мензелинского района. В декабре 1964 г. в 50 населенных пунктах этой административной единицы изучалась религиозность населения. В качестве исполнителей привлекались комсомольские активисты, члены агитколлективов, работники культурно-просветительских учреждений. Из 9211 опрошенных назвали себя верующими 1723 или 18,7 % [15, л. 6]. Был не только проведен опрос, но и сделана статистическая сводка по району и по отдельным населенным пунктам. Содержательные итоги предвосхищали тот контекст, в котором интерпретировались социологические данные в последующие десятилетия. Был зафиксирован преимущественно пожилой возраст верующих (лиц младше 40 лет среди верующих – 2,7 %), их низкий образовательный («все малограмотные») и социальный статус (колхозники и пенсионеры).

¹ По другим сведениям – 127 населенных пунктов, 37 производственных коллективов и 78 многоквартирных жилых домов [14, с. 123].

В соседней с Татарстаном Куйбышевской области социологическим назван выборочный похозяйственный опрос, проведенный в 1966 г. районным комитетом КПСС Похвистневского района. Опрос проходил в двух колхозах – татарском и мордовском, где обследованию подверглись примерно по 100 домохозяйств. Судя по основным выводам, организаторов интересовали такие вопросы, как неполное участие трудоспособного населения, прежде всего женщин, в колхозном производстве и неэффективность лекционной пропаганды, которую вели среди сельского населения лекторы из районного и областного центров [16].

Обследования в районах ТАССР и Куйбышевской области в 1964–1966 гг. можно отнести к «социологии без социологов», или к «предсоциологии», поскольку они оказали существенное влияние на последующие исследования. В этих обследованиях были применены стихийные, интуитивные методики. Полученные данные недостаточно представительны и обоснованы. Организаторы имели смутное представление об исследовательских процедурах, репрезентативности данных, принципах анонимности и конфиденциальности. Меры, которые были предприняты руководством Мензелинского района по итогам обследования, с правовой точки зрения представляют собой пример вопиющего нарушения принципа неприкосновенности частной жизни. В сопроводительной записке к отчету указано, что «в каждом населенном пункте установлено количество верующих, за ними закреплены агитаторы из числа коммунистов, комсомольцев и сельской интеллигенции» [15, л. 2].

Первые исследования обошлись без участия социологов, в их качестве выступили партийные работники, ответственные за атеистическую пропаганду. Таким образом, с момента рождения поволжская социология оказалась в условиях автономии от социологической науки и под патронажем идеологических отделов партийных органов.

Итоги первых исследований подняли ряд проблем методологического, методического и организационного уровней, часть которых (неопределенность терминологии и нерепрезентативность данных) была решена профессиональными социологами, а часть (недоверие респондентов к процедуре опроса) так и осталась нерешенной.

Вопросы репрезентативности и необходимого количества единиц изучения неизбежны в любом социологическом исследовании. Грамотному решению этих вопросов препятствовало практически полное отсутствие социологической подготовки у первых исследователей. Объем выборочной совокупности у «предсоциологии» не регламентировался и зависел, скорее всего, только от энтузиазма и организационных возможностей заказчика.

Интересно сравнить масштабы работы региональных «предсоциологов» с подходами ученых Московского университета, которые первыми начали социологическое изучение проблем религии и атеизма. Не обладая столь мощными организационными возможностями, научные коллективы проводили сбор материала в основном экспедиционно. Выезды «в поле» (подобно этнографическим или археографическим экспедициям) осуществлялись ограниченными силами. Во время выезда исследователи успевали охватить один или несколько населенных пунктов [17, с. 5, 6].

Вопросы репрезентативности социологических данных и обоснованного объема выборки были впервые подняты при создании Института научного атеизма. На конференции «Методика и результаты конкретных исследований религиозных пережитков» (1964) [18] были затронуты вопросы методологии, методики и техники исследований, применения

количественных методов и ЭВМ. При знакомстве со стенограммой в первую очередь обращает на себя внимание неосведомленность обществоведов, назначенных руководить социологией, в элементарных методических вопросах. Курьезом выглядит полемика между первым президентом Советской социологической ассоциации Ю. П. Францевым и представителем нарождающейся профессиональной социологии В. Б. Ольшанским, который представлял Институт философии АН СССР. Первый отрицательно высказался по поводу применения наиболее распространенного социологического метода – массового опроса, предложив в качестве главного метода сбора информации «беседу» (т. е. неструктурированное интервью) с небольшим, несколько сотен, числом собеседников. Ему возразил Ольшанский: «Научный вывод можно сделать лишь на основе достаточного количества фактов. Без этого нет права на широкие обобщения и на практические рекомендации» [18, л. 59].

Убедившись в неэффективности самостоятельной опросной активности, как пишет американская исследовательница советской региональной политической системы Дж. Хаф, обкомы КПСС обзавелись «социологическими лабораториями» и «социологическими комиссиями», состоящими в основном из волонтеров, для помощи в сборе необходимой информации [19, р. 181]. Номинальные на первых порах социологи унаследовали большую часть исследовательской базы «предсоциологии», включая цели и задачи, организационные схемы, сети интервьюеров, состоявшие из партийных и комсомольских активистов. Уровень стартовой профессиональной подготовки первых социологов был весьма невысок. Однако, по сравнению с «протосоциологами», их отличал более квалифицированный подход к построению выборки, они применяли инструментарий, созданный на основе разработанных в методических центрах (например, Институте научного атеизма) типовых методик. Их исследования проводились «комплексно», т. е. сочетали в себе несколько методов сбора информации.

В данной статье рассматривается ситуация «социологии без социологов» не только как вынужденная, но и как искусственно создаваемая. Эта линия продвигалась представителями догматического обществоведения, которые отождествляли социологию с историческим материализмом. В этой среде существовала уверенность, что по-прежнему можно обойтись без социологов даже при наличии легальной социологии. Важным маркером этой линии было публичное отрицание того факта, что на протяжении четверти века социологии в стране не существовало.

Один из лидеров этой линии, директор Института философии АН СССР Ф. В. Константинов на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук и Высшей партийной школы, посвященном обсуждению лекций по социологии, прочитанных Ю. А. Левадой, обращаясь к Леваде и его единомышленникам, признает тот факт, что социологические исследования были запрещены, «когда результаты конкретных социальных исследований были направлены против страны, против правительства, против партии. В этих условиях было наложено вето на эти исследования». Однако он категорически отрицает физическое небытие социологии (пусть даже без участия представителей профессии): «Конечно, я скажу, что после этого конкретные социальные исследования замедлились, но никогда, ни на один день не прекращались. Вы напрасно крест ставите на всем и считаете, что только с 1950-х гг. возобновились социологические исследования и было произнесено слово социология. Слово социология было и тогда очень популярно» [20, л. 66].

В докладе на другом ученом совещании с тематикой «О научно-методической основе конкретно-социологических исследований» в 1968 г. В. Н. Малин (ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС) заявил, что недопустимо, «чтобы метод конкретных социальных и конкретных социологических исследований был только методом одной группы профессионалов, которые получили у себя диплом социолога» [21, л. 22]. Эти методы должны «стать методом всех отраслей нашей марксистской науки и исторического материализма». Продолжая, Малин пишет о подготовке кадров: «Один товарищ сказал, что нам нужно так же, как в капиталистическом обществе, иметь на каждом предприятии социолога. Я думаю, что наше общество в этом смысле отличается, что те функции, которые там часто несет социолог, у нас должны выполнять партийные, профсоюзные организации, но вообще говоря – иметь социологически грамотного партийного работника на каждом заводе...» [21, л. 25].

Данное выступление нельзя считать выражением позиции отдельных ретроградов. Отсутствие социологии среди вузовских специальностей вплоть до конца 1980-х говорит о том, что эта линия была доминирующей. Ответственное лицо из Министерства высшего и среднего специального образования СССР отказ готовить социологов объясняло примерно так: «Что такое социология – неизвестно. Никаких особых социологов быть не может. Надо дать знания по конкретным социальным исследованиям философам, экономистам, историкам, юристам и т. д. Вот эти философы и прочие и будут вести социологические исследования» [22]. Надежды на прошедших социологические курсы специалистов и ученых различных специальностей были утопией, поскольку внутри этих наук не мог сам по себе появиться запрос на проведение социальных исследований. Для самой советской социологии это почти всегда был внешний заказ – от партийных и советских организаций.

Более того, представители «канонических», родственных социологии общественных дисциплин в регионах зачастую были враждебно настроены к социологическим опросам, поскольку считали их опасным экспериментом, вносящим в сознание масс сомнение относительно идеологических установок. Конфликтная ситуация сложилась, например, в Куйбышевском политехническом институте, где первая социологическая лаборатория появилась в 1969 г. Значительная часть преподавателей кафедр истории, политэкономии и научного коммунизма во главе с заведующими открыто выступили против проведения социологических исследований в вузе. В намерениях решить социальные проблемы с применением эмпирических данных ими усматривался ревизионизм, попрание марксистско-ленинской теории социального развития. Конфронтация стала причиной того, что в 1978 г. сотрудники лаборатории в полном составе покинули институт и перешли в Куйбышевский университет [23, с. 12].

Значительное место в региональной социологии и в 1970-х и 1980-х гг. по-прежнему занимали самостоятельные опросы, иницируемые «на местах». Например, руководители парторганизации одного из предприятий Казани отчитывались о проводимой атеистической работе таким образом: «В трудовых коллективах ателье № 15, 47, цехах № 3 и 4 [объединения Татшвейбыт] для изучения состояния и результатов атеистической работы были проведены социологические исследования. Выяснилось, в частности, что в ателье № 47 трудится одна верующая. Совет атеистов усилил в ателье свою работу» [24, л. 11].

Дилетантские опросы, характерные для «предсоциологии», представляли собой дальнейшее развитие «социологии без социологов». Эта побочная ветвь исследований стимулировалась решениями региональных партийных органов. Так, постановлением бюро Татарского обкома КПСС за подписью Ф. А. Табеева «О состоянии научно-атеистического воспитания в Бугульминском районе» (датировано 08.02.1967) партийным организациям рекомендовано не только «глубоко изучать религиозность населения в каждом населенном пункте и производственном коллективе», но и «выявить верующих и на этой основе организовать действенную индивидуальную работу» [25, л. 1–4]. Первая часть напутствия представляет собой реплику из ранее процитированного постановления ЦК КПСС «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения», а вторая часть – инициатива обкома.

Советская социология была легитимизирована, по определению М. Буравого, в качестве прикладной (*policy sociology*) дисциплины на службе у правящей идеологии, далекой от представлений о свободной науке [11, р. 199]. При этом, по мнению Буравого, минимальной была доля публичного и критического компонентов, т. е. социологи не могли обращаться напрямую к неакадемической аудитории и изучать социальные процессы внутри страны с критических позиций. Взаимоотношения региональных социологов с властными структурами строились «на общественных началах», когда местные партийные или комсомольские организации объявляли инициативные начинания, которые на словах были добровольными, но отказаться от участия в которых нельзя было даже беспартийным. Результаты социологических исследований использовались узконаправленно, преимущественно для иллюстрации положений официальных документов. Большая часть материалов исследований ложилась «под сукно».

Разумеется, появившаяся в столь экстремальных условиях социология в регионе была далека от представлений о «правильной» науке. Типичные для региональной социологии советских времен проблемы перечисляет С. А. Ахметова: отрыв эмпирии от теории; мелко-темье – отсутствие масштабных проектов, которые охватывали бы всю республику; текучесть кадров руководителей и частая смена направлений социологических подразделений; дефицит коллективных исследований, что затрудняло выход республиканских ученых на российский и всесоюзный уровень [12, с. 186].

Западная эмпирическая социология в лице международных и национальных ассоциаций самостоятельно выработала стандарты и регламенты взаимодействия с заказчиками и обществом. Несмотря на то, что Советская социологическая ассоциация была создана еще в 1958 г., вплоть до конца 1970-х ее деятельность не выходила за пределы столичных центров. Первым социологическим поколением был выработан, по выражению Б. М. Фирсова [9, с. 132], «негласный кодекс научной честности и порядочности», однако он не был формализован. Отсутствие саморегуляции профессиональной деятельности в советской социологической науке свидетельствовало о ее незрелости, зависимости от системы государственной идеологии. Неудивительно, что под категорию социологических исследований попадали обследования самого разного свойства и жанра. Это понятие было крайне размыто и отождествлялось с любыми опросами. Нет свидетельств тому, что социологи когда-либо протестовали против упоминания прилагательного «социологический» применительно к непрофессиональным и бессмысленным анкетированиям. Однако тень от таких довольно многочисленных опросов падала на всю эмпирическую социологию в целом.

Значительный сдвиг произошел только в конце 1980-х. В принятом VI Всесоюзной конференцией Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. Профессиональном кодексе социолога были установлены нормы отношения социолога с коллегами, заказчиками и исследуемыми в духе сотрудничества, компетентности, научной честности и корректности [26, с. 236–237]. С этого момента началось становление публичной социологии, доступной через масс-медиа широкой общественности, всем, кто испытывает желание сверять свое собственное мнение по какому-либо важному вопросу с мнением общества в стране.

Советская социологическая ассоциация сыграла определенную роль в становлении регионального социологического сообщества. К моменту распада она объединяла в своих рядах порядка 6 тысяч индивидуальных членов [27, с. 331]. В Среднем Поволжье ее первое отделение было образовано в 1974 г. в г. Куйбышеве [23, с. 24]. В 1980 г. на его базе создано Поволжское отделение ассоциации. Работа по пропаганде социологических знаний активно велась Куйбышевским филиалом Поволжского отделения, Пермским, Свердловским филиалами Уральского отделения. В Татарском филиале Поволжского отделения состояло 85 индивидуальных членов, в Куйбышевском – более 100. Несмотря на то, что деятельность региональных отделений и филиалов была ограниченной, сам факт ее существования приглушал активность пресловутой «социологии без социологов», вынуждая партийные органы и предприятия даже в неуниверситетской провинции искать контакты с социологическим сообществом.

Социология в 1989 г. вступает в стадию институционализации, появляются кафедры, отделения и факультеты социологии, диссертационные советы. Однако, по мнению Буравого, за исключением анклавов профессиональной науки в Москве и Петербурге социология возвращается к своему неавтономному, прикладному состоянию [11, р. 199]. Остается констатировать, что проявления «социологии без социологов» в регионах никуда не исчезли.

О том, что негативные черты постсоветской региональной социологии берут начало из советских времен, пишут Г. Е. Зборовский и А. Л. Салагаев. Существует очень значительная проблема отстраненности, изолированности региональных социологов от внутрироссийского и международного научного сообщества. Свердловский социолог Зборовский характеризует ситуацию термином «социологический провинциализм». В его определении это ограниченность интересов и узость кругозора региональных социологов, отсутствие внутренней мотивации для участия в научном процессе [28, с. 158]. Это создает условия для распространения внутри социологического поля имитаторов и непрофессионалов. Филиалы профессиональных ассоциаций в регионах не стали тем барьером, который препятствовал бы их деятельности.

По наблюдениям казанского социолога Салагаева, в вузовской социологии по сей день господствуют догматизм, конформизм и авторитарный стиль руководства, которые достались ей по наследству от мигрировавших туда «научных коммунистов» [29].

В этих условиях профессиональную науку все сильнее теснит эрзац-социология. Эрзац- или псевдосоциология – камуфлируемая под научно-исследовательскую коммерческая деятельность и самореклама. В советские времена, когда существовал высокий символический статус научного знания, а также многоуровневая цензура, данная форма «социологии без социологов» была неактуальной.

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить существование «социологии без социологов» в регионах Среднего Поволжья. Социология как область знаний и сфера деятельности в советской провинции появилась благодаря сформированному запросу на изучение общественного мнения, объективную картину которого могли дать только эмпирико-социологические исследования. Неудивительно, что в отсутствие легальной социологии ее функцию на первых порах исполняли самодеятельные исследователи, представители «социологии без социологов». Однако по мере развития региональной социологии в вузовских центрах Среднего Поволжья не произошла ее профессионализация, основной причиной чему стало отсутствие в стране профессионального социологического образования. В руководстве правящей партии осознавали общественную потребность в социологических исследованиях, но догматические воззрения и корпоративные интересы не позволяли примириться с существованием обособленной профессиональной категории социологов. Часть политического истеблишмента была обеспокоена тем, что социологи могли эволюционировать в опасных технократов, способных посягнуть на идеологическую монополию. В статье выявлена закономерность того, что существование «социологии без социологов» в региональных условиях вызвано недостаточной автономностью социологической науки и организационной слабостью ее профессиональных ассоциаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлов В., Переведенцев В. Большие ожидания // Литературная газета. № 24, 14 июня 1967 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/014.pdf> (дата обращения: 31.08.2022).
2. Matthes J. Soziologie ohne Soziologen? Zur Lage des Soziologiestudiums in der Bundesrepublik // Zeitschrift für Soziologie. 1973. Jg. 2. Heft 1. S. 47–58.
3. Ahlberg R. Die Rehabilitierung der Soziologie in der Sowjetunion: Der Soziologie-Beschluß des Politbüros und seine Bedeutung // Osteuropa. 1989. Vol. 39, no. 5. S. 478–496.
4. Верт Н. Революция в советской социологии: рождение опросов общественного мнения // Социология как предмет специального научного исследования: сб. ст. М.: ИС РАН, 1992. С. 99–111.
5. К обществу свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества) / отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1970.
6. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М.: Наука, 1973.
7. Балтанов Р. Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). Казань: Казанский ун-т, 1973.
8. Кудряшов Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретного социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания пережитков чувашей. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1974.
9. Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2012.
10. Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан / отв. ред. Дж. М. Гилязитдинов. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2002.
11. Burawoy M. Can “Public Sociology” travel as far as Russia? // *Laboratorium*. 2009. № 1. P. 197–204.
12. Ахметова С. А. Эмпирическое наследие социологической мысли в Республике Татарстан: взгляд из настоящего в прошлое // Вестник КГТУ им. А. Н. Туполева. 2012. № 3. С. 184–187.

13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 1. № 40.
14. Калаганов А., Светлов П., Сайфутдинов Ш. На пути к атеизму. Казань: Татарское кн. изд-во, 1967.
15. Справка по исследованию религиозности по Мензелинскому району // Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). Ф. 8126. Оп. 1. № 28.
16. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 848. Оп. 54. № 55. Л. 1–7.
17. Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания: сб. ст. / под ред. И. Д. Панцхава. М.: Изд. Моск. ун-та, 1969.
18. Стенограммы научно-практической конференции «Методика и результаты конкретных исследований религиозных пережитков» (М., 22.12.1964). РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 18, 19.
19. Hough J. F. The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-making. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1969.
20. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. № 514.
21. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. № 388.
22. Зюзин Д., Переведенцев В. Когда же придет специалист? Еще раз о подготовке социологов // Литературная газета. 1969. № 2. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/014.pdf> (дата обращения: 07.06.2022).
23. Тукумцев Б. Г. Очерки истории первой самарской социологической лаборатории. Самара: Самарский ун-т, 2000.
24. Протокол 11-го пленума Бауманского РК КПСС от 16.09.1982. ЦГАИПД РТ. Ф. 19. Оп. 45. № 907.
25. ЦГАИПД РТ. Ф. 6064. Оп. 1. № 347. Л. 1–4.
26. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1987.
27. Иванов В. Н. Социология в СССР. Записки директора института. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014.
28. Зборовский Г. Е. Публичная социология в регионе // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2. С. 153–159.
29. Салагаев А. Л. Кризис провинциальной вузовской социологии и перспективы развития независимых исследовательских центров // Безопасность человека, общества, природы в условиях глобализации как феномен науки и практики. Девятые Вавиловские чтения: сб. ст. / под ред. В. В. Шалаева. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2006. С. 273–280.

Информация об авторе.

Кильдеев Мансур Вилевич – кандидат социологических наук (2002), социолог Республиканского центра молодежных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», ул. Адоратского, д. 36, г. Казань, Республика Татарстан, 420137, Россия. Автор 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология религии, региональная социология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 28.06.2022; принята после рецензирования 10.10.2022; опубликована онлайн 23.12.2022.*

REFERENCES

1. Mikhailov, V. and Perevedentsev, V. (1967), "Great expectations", *Literaturnaya gazeta*, no. 24, 14 June 1967, available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/014.pdf> (accessed 31.08.2022).

2. Matthes, J. (1973), "Soziologie ohne Soziologen? Zur Lage des Soziologiestudiums in der Bundesrepublik", *Zeitschrift für Soziologie*, Jg. 2, Heft 1, Januar 1973, S. 47–58.
3. Ahlberg, R. (1989), "Die Rehabilitierung der Soziologie in der Sowjetunion: Der Soziologie-Beschluß des Politbüros und seine Bedeutung", *Osteuropa*, vol. 39, no. 5, S. 478–496.
4. Werth, N. (1992), "Revolution in Soviet Sociology: The Birth of Opinion Polls", *Sotsiologiya kak predmet spetsial'nogo nauchnogo issledovaniya: sbornik statei* [Sociology as a subject of special scientific research: collection of articles], IS RAN, Moscow, RUS, pp. 99–111.
5. *K obshchestvu svobodnomu ot religii* [On the way to a society free from religion] (1970), Kurochkin, P. K. (ed.), Moscow, Mysl', USSR.
6. *Sotsial'noe i natsional'noe. Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoi ASSR* [The Social and the National. Experience of ethno-sociological research based on the materials of the Tatar ASSR] (1973), Arutyunyan, Yu.V. (ed.), Nauka, Moscow, USSR.
7. Baltanov, R.G. (1973), *Sotsiologicheskie problemy v sisteme nauchno-ateisticheskogo vospitaniya* [Sociological problems in the system of scientific and atheistic education], Kazan un-t, Kazan, USSR.
8. Kudryashov, G.E. (1974), *Dinamika polisinkreticheskoi religioznosti* [Dynamics of poly-syncretic religiosity], Chuvashskoe kn. izd-vo, Cheboksary, USSR.
9. Firsov, B.M. (2012), *Istoriya sovetskoj sotsiologii: 1950–1980-e gody. Ocherki* [The History of Soviet Sociology: 1950th–1980th: Essays], 2nd ed., SPb., EUPRESS, RUS.
10. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsiologicheskoe obrazovanie v Respublike Bashkortostan* [Sociological science and sociological education in the Republic of Bashkortostan] (2002), Gilyazitdinov, J.M. (ed.), Bashkir. gos. un-t, Ufa, RUS.
11. Burawoy, M. (2009), Can "Public Sociology" travel as far as Russia?, *Laboratorium*, no. 1, pp. 197–204.
12. Akhmetova, S.A. (2012), "Empirical heritage of sociology in the republic of Tatarstan: a view from present to the past", *Vestnik KGTU im. A.N. Tupoleva*, no. 3, pp. 184–187.
13. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)*, coll. 606, aids 1, fol. 40.
14. Kalaganov, A., Svetlov, P. and Saifutdinov, Sh. (1967), *Na puti k ateizmu* [On the way to atheism], Tatarskoe kn. izd-vo, Kazan, USSR.
15. "Information on the study of religiosity in the Menzelinsky district", *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskoi dokumentatsii Respubliki Tatarstan (TsGAIPD RT)* [Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan (TsGAIPD RT)], coll. 8126, aids 1, fol. 28.
16. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (SOGASPI)*, coll. 848, aids 54, fol. 55, p. 1-7.
17. *Konkretno-sotsiologicheskoe izuchenie sostoyaniya religioznosti i opyta ateisticheskogo vospitaniya* [Concrete sociological study of the state of religiosity and the experience of atheistic education]. (1969), in Pantskhava, I.D. (ed.), Moscow Univ., Moscow, USSR.
18. *Stenogrammy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Metodika i rezul'taty konkretnykh issledovaniy religioznykh perezhitkov"* [Transcripts of the scientific-practical conference "Methodology and results of specific studies of religious survivals"] (Moscow, 22.12.1964), RGASPI, coll. 606, aids 4, fol. 18, 19.
19. Hough, J.F. (1969), *The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-making*, Harvard Univ. Press, Cambridge, MA, USA.
20. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)*, coll. 606, aids 1, fol. 514.
21. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)*, coll. 606, aids 1, fol. 388.
22. Zyuzin, D. and Perevedentsev, V. (1969), "When will the specialist arrive? Once again about the training of sociologists", *Literaturnaya gazeta*, no. 2, available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedentsev/stati/014.pdf> (accessed 07.06.2022).
23. Tukumtsev, B.G. (2000), *Ocherki istorii pervoi samarskoj sotsiologicheskoi laboratorii* [Essays on the history of the first Samara sociological laboratory], Samara Univ., Samara, RUS.

24. *Protokol 11-go plenuma Baumanskogo RK KPSS ot 16.09.1982* [Protocol of the 11th plenum of the Bauman RK CPSU], *TsGAIPD RT*, coll. 19, aids 45, fol. 907.

25. *TsGAIPD RT*, coll. 6064, aids 1, fol. 347. P. 1-4.

26. Yadov, V.A. (1987), *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody* [The Sociological Survey: Methodology, Program, Methods], Nauka, Moscow, USSR.

27. Ivanov, V.N. (2014), *Sotsiologiya v SSSR. Zapiski direktora instituta* [Sociology in the USSR. Notes of the Institute Director], IPO "U Nikitskikh vorot", Moscow, RUS.

28. Zborovskiy, G.E. (2013), "Public sociology in the region", *Izvestia of Ural Federal Univ. J. Ser. 1. Issues in Education, Science and Culture*, no. 2, pp. 153–159.

29. Salagaev, A.L. (2006), "The Crisis of Provincial University Sociology and Prospects for the Development of Independent Research Centers", *Bezopasnost' cheloveka, obshchestva, prirody v usloviyakh globa-lizatsii kak fenomen nauki i praktiki. Devyatye Vavilovskie chteniya* [Security of man, society, nature in the context of globalization as a phenomenon of science and practice. Ninth Vavilov Readings], MarGTU, Yoshkar-Ola, RUS, pp. 273–280.

Information about the author.

Mansour V. Kildeev – Can. Sci. (Sociology) (2002), Sociologist of the Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs "Navigator", 36 Adoratsky str., Kazan, Republic of Tatarstan 420137, Russia. The author of 70 scientific publications. Area of expertise: sociology of religion, regional sociology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 28.06.2022; adopted after review 10.10.2022; published online 23.12.2022.